

ничья братия, актеры каких-то театриков, мастеровые по-квалифицированное, духовные лица. Староневский проспект упирался одним концом в Александровскую лавру, а другим — в Знаменскую площадь, теперь — площадь Восстания. Справа от лавры вдоль левого берега Невы тянулись какие-то склады, за складами — мельницы, заводы. Тут стояли низкорослые закопченные кирпичные дома, заселенные рабочим людом. И на другом берегу Невы — унылые хибары и бараки, в которых юти-

все же достаток, была уже не только еда, со временем смогли купить даже старенькое, довольно потрепанное пианино. До этого я довольствовался балалайкой. Долго она была пределом моих мечтаний. С ее появлением начались мои музыкальные терзания и появились гордость и чувство собственного достоинства. Я ведь был владельцем балалайки! Я мог выйти во двор и на завесть всем мальчишкам сыграть «Барыню». Врал я, разумеется, безбожно, но с самоуверенностью мальчишки

из них была «Вечер на рейде», одной из последних — «Давно мы дома не были», а между ними — «Соловьи», «На солнечной поляночке» и много других. Хочу верить, что и они помогали нашим солдатам...

Собственно, это и есть основное для песни дело — помогать людям. Не упрекните меня в пристрастности, но я всегда считал и считаю, что песня — одна из самых сложных музыкальных форм. Даже в лирической песне композитор и поэт остаются ораторами. Что, о чем и как говорят они — крайне важно, поэтому создать хорошую песню — очень нелегко...

В лучших своих образах советская песня являет собой синтез прекрасной музыки и высокой поэзии. Массовые песни — это те, что сочиняли И. Дунаевский, В. Лебедев-Кумач, братья Покрасс. Они обращались к массам, точно фиксировали эмоции слушателей, и общество не оставалось к ним равнодушным. Вспомнить хотя бы, с каким увлечением в начале 60-х годов пели «Тревожную молодость» А. Пахмутовой.

Написав «Подмосковные вечера», я стал получать десятки и сотни писем от моих земляков-ленинградцев: почему, мол, не ленинградские вечера? Я люблю свой город горячей неодолимой любовью. О нем я написал много песен. Но я не мог написать иначе, потому что «Подмосковные вечера» — это песня о Родине, о России.

Я много езжу по нашей стране. В последние годы побывал с авторскими концертами и творческими отчетами у рыбаков Камчатки и нефтяников Тюмени, у строителей газопровода Оренбург — Западная граница СССР, в Ставрополе и Кустанае, и всюду я видел, как растет, хорошеет, крепнет страна.

Чувство гордости за свою великую многонациональную державу наполняет меня и в эти дни, и я счастлив, что к этому чувству присоединяется чувство сопричастности к нашей истории. Да, биография страны — и моя биография!

## В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,

народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

# БИОГРАФИЯ ПЕСНИ

ЛЕТ ДЕСЯТЬ НАЗАД я выступал перед учащимися профессионально-технического училища. Неожиданно для себя я начал выступление с фразы о том, что родился при царском режиме. По залу пронесся гул. Я даже растерялся поначалу от столь неожиданной реакции, но потом сообразил, что для них, пятнадцатилетних, царский режим — это далекая история. Они-то и Великую Отечественную знают по учебникам истории и рассказам ветеранов...

Люблю выступать перед молодой аудиторией, люблю молодежь и всю жизнь, по существу, писал и работал для нее. Но выводы из этого забавного происшествия сделал. Больше не говорю о царском режиме, хотя отчетливо помню это время. Помню годовых и вывеску с двуглавым орлом у аптеки, что находилась рядом с нашим домом. Помню особняки миллионеров и подвалы, населенные голытьбой. Помню четкую грань различия между «благородной» публикой и рабочим народом.

Мои деды пахали землю в деревне. Вероятно, не от хорошей жизни отец переехал в Петербург и нанялся в дворники доходного дома. Считалось, что ему пофартило. В нашем доме на Староневском, 119 жила по преимуществу служивая чинов-

лась голытьба, работавшая на фабрике Торнтон. Жили скопом — три-четыре семьи в одной комнате, разделенные ситцевыми занавесками. Сейчас такое можно увидеть только в кино или в театре, где идет пьеса Горького «На дне».

Если февральские дни запомнились мне красными бантами, лозунгами и плакатами, то Великая Октябрьская революция ворвалась в мое сознание бурными митингами на площадях, солдатами, одетыми с подчеркнутой небрежностью, матросами, перепопсанными пулеметными лентами, грохотом свергаемых с вывесок двуглавых орлов. Эти революционные дни запомнились как непрерывный митинг и непрерывный праздник. В феврале на улицы вышли хорошо одетые люди: в котелках, мягких шляпах, добротных пальто. В октябре же на улицах преобладали кепки, солдатские папахи, матросские бескозырки.

Мы переехали из дворничкой в отдельную квартиру на третьем этаже. В доме появился небольшой, но

лихо наяривал и бесконечно повторял скромный, а потому быстро всем надоевший репертуар. Меня гоняли из дома во двор, со двора выгоняли на улицу. Я все же приспособился: начал «урок» на площадке пятого этажа и по мере наступления кухарок, под натиском превосходящих сил противника спускался все ниже и ниже, пока опять не оказывался во дворе.

Теперь есть дворцы и дома пионеров, пионерские лагеря и станции юных техников, и музыкальные школы, и кружки, и секции... Детям нашей страны предоставлены все возможности для развития способностей, для отдыха и развлечений, и они ими широко пользуются: мой младший внук, например, потребовал, чтобы его записали во все кружки сразу...

Война дважды врывается в мою жизнь — в 1914 году, когда мне было семь лет, и в 1941-м, когда мне было тридцать четыре. В грозные годы Великой Отечественной войны я написал много песен, и случилось так, что все они ушли «воевать». Первой